

УДК 130.2:316.6

ББК 87.6:60.5

Макаренко Е.А.

*Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического
приборостроения, г. Санкт-Петербург*

КОЛЛЕКТИВНАЯ ПАМЯТЬ КАК ЧАСТЬ ОНТОЛИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ БУДУЩЕГО

Аннотация: В статье рассмотрена текущее место коллективной памяти в современном обществе постмодерна. Процесс формирования коллективной памяти рассмотрен с точки зрения междисциплинарного поля исследований. Рассмотрены примеры формирования ложных воспоминаний и проанализированы последствия данных действий. Проанализированы механизмы формирования коллективной памяти и их применение в обществе.

Ключевые слова: постмодерн, медиа, информация, социология, политика, история

Makarenko E.A.

*St. Petersburg State University of Aerospace Instrumentation,
St. Petersburg*

MEMORY STUDIES AS A PART OF ONTOLIC FUTURE MODEL

Abstract: The article considers the current place of collective memory in modern postmodern society. The process of collective memory formation is considered from the point of view of the interdisciplinary field of research. Examples of the formation of false memories are examined and the consequences of these actions are analyzed. The mechanisms of collective memory formation and their application in society are analyzed.

Keywords: postmodern, media, information, sociology, politics, history

Современная история превратилась в эмоцию и превращение в то, что «все знают» и это не требует каких-либо фактов и доказательств, однако, незнание истории не освобождает от ответственности. В настоящий момент общество переходит из эпохи модерна в постмодерн. Постмодерн будет заключаться в том, что каждый сможет выбрать, в каком информационном поле ему жить. В той повестке дня, которая ему нравится. Не будет разницы между правдой и

неправдой – факты можно подать любым образом. Если кто-то принимает какие-то тезисы, то он в них верит и в них живет. Одной из характерных черт данного перехода стало виртуальное пространство и в том числе социальные сети. Сеть создает легкость генерирования и распространения информации [1. С. 39].

Коллективная память (memory studies) – это междисциплинарное поле исследований. Здесь с одной стороны велико влияние истории, но, как оно зачастую бывает, истории не фактической, а некой ее версии. Версии, изучение которой лежит скорее в плоскости политологии и социологии. В данном случае благодаря неким специально отобраннным фактам (при замалчивании и игнорировании других фактов) или даже вымыслам формируется параллельная история, которая с течением времени может заменить реальную в определенном сообществе. Так в том числе и под влиянием массовой культуры (кинематографа) формируется миф о том, что во Второй мировой войне победили американские и английские солдаты, а Гитлер был сожжен в кинотеатре (фильм «Бесславные ублюдки»). При этом зачастую подобные заявления делаются на высоком уровне, например, президентом США Дональдом Трампом. Скорее всего это делается умышленно, а не из-за элементарного невежества руководства США. Подобные заявления формируют некое прошлое, в которое со временем начинают верить люди, не утруждая себя элементарным фактчекингом и потребляющим готовую информацию без критического осмысления, хотя бы потому, что около на долю СССР пришлось около 75 процентов всех военных усилий антигитлеровской коалиции [6].

В последние десятилетия методы memory studies активно используются для расщепления общества, ликвидации единства и инициирования различных цветных революций усилиями политических элит, их сторонников и противников по конструированию значения прошлого и широкому распространению или навязыванию нужной версии прошлого прочим членам общества. С помощью memory studies может достигаться наиболее желательное для государства видение прошлого как способа решить проблемы одновременно и с прошлым и с будущим, также могут создаваться некие иллюзии национальной идентичности и героичности. Например, Дания, которая противостояла нацисткой Германии один день и похвастаться героизмом обороны страны не может, тем не менее пытается создавать какие-то островки героизма. Так, недавно вышел фильм о героических датчанах-велосипедистах, которые выехали к границе Германии и подбили немецкий броневик. Данный фильм был раскритикован историками, однако такие фильмы создаются не для историков, а для формирования облика великой страны в сердцах граждан. Здесь можно согласиться с Морисом Хальбваксом, что словесные конвенции образуют самую устойчивую рамку коллективной памяти. Однако с 1925 года прошло достаточно много времени и сейчас современные технологии формируют эти рамки еще более успешно.

Можно отметить, что механизмы формирования коллективной памяти активно используются сегодня на самом высоком политическом уровне:

- внешняя политика и дипломатия – обсуждение неоднозначного прошлого как условие для функционирования политических систем и их способности проводить международную политику. Образ внешнего врага или претензии на некие территории (например, Японии на Курильскую гряду) позволяет сплачивать нацию и отвлекать население от более приземленных проблем;

- международная юстиция – определение статуса жертв и преступников, в том числе в рамках международных соглашений (например, непринятие рядом стран факта геноцида Турцией армянского народа в 1915 году);

- политическая культура – моделирование политических нарративов, формулирующих отношения между обществом и историей (здесь это наглядно могут демонстрировать российские новые праздники 90-х годов, например, День народного единства или День России, когда в первом случае попытались придумать альтернативу Дню Великой Октябрьской социалистической революции, а во втором - некий аналог американского Дня независимости. Однако никаких островов коллективной памяти с данными датами нет и какой-либо культуры празднования тоже, а значит и ценности для населения они не несут, просто еще один выходной день).

Все эти и многие другие воспоминания - разрозненные или системные, имеющие какую-либо политическую или экономическую окраску создают масштабное поле для исследования. Именно изучение механизма формирования и отделение «безвредных» воспоминаний от манипулятивных, созданных для формирования раскола обществ, и является одной из задач *memory studies* [5. С. 212].

Безусловно, речь не идет о создании Министерства Правды подобно вымыслу в романе Джорджа Оруэлла «1984», но, тем не менее, в России должна присутствовать системная работа в политике памяти – это деятельность государства и других акторов, направленная на утверждение тех или иных представлений о коллективном прошлом и формирование поддерживающей их культурной инфраструктуры, образовательной политики, а в некоторых случаях и законодательного регулирования.

В тоже время можно обратить внимание, как, например, в Польше или Украине системно ведется историческая политика среди молодого поколения. Как утверждал Миллер, «историческая политика» – это набор практик, с помощью которых отдельные политические силы стремятся утвердить определенные интерпретации исторических событий как доминирующие. Все это может выражаться через следующие методы:

- создание специальных институтов для насаждения определенной трактовки;
- политическое вмешательство в деятельность СМИ;
- манипуляции архивами;

- разработка мер контроля за деятельностью историков, использование финансовых и статусных рычагов;
- вмешательство в содержание учебников и программ преподавания истории;
- принятие мемориальных законов [4. С. 238].

Медийная память – это реконструкция прошлого, достигаемая с помощью данных, взятых из настоящего [3. С. 86]. Клиповая культура мышления задает соответствующие правила общения (сейчас мы имеем дело с тем, что имеем, а не рассуждаем о том, как надо было воспитывать подраставшее поколение, формировать культурные и досуговые шаблоны и так далее). Движение, методология и подход, которые способствуют совместным историческим исследованиям и практикам, миссия использующих их специалистов состоит в том, чтобы сделать выводы академических исследователей доступными и полезными для публики.

Можно сколько угодно рассказывать об ужасах Второй мировой войны в научных монографиях, приводя свидетельства очевидцев и выдержки из документов Третьего рейха, однако фотография из концентрационного лагеря в нужной группе от лидера общественного мнения в Facebook может произвести куда более сильный эффект, чем тысячи страниц монографии доктора исторических наук. И хорошо если данный лидер выскажется в русле текущей политической доктрины, поскольку его диаметрально противоположное высказывание опровергнуть будет практически не возможно, т.к. стандартные законы логики здесь не работают (ибо привычка молодой либо низкоинтеллектуальной аудитории – верить безоценочно и безусловно) [2. С. 94].

Безусловно, задачей современного общества стоит не тотальный контроль за коллективной памятью, а принятие данного факта с целью формирования культуры критического мышления среди как взрослого населения, так и молодежи. Фактчекинг и критическое мышление должны стать теми навыками, которыми должны владеть в той или иной степени все пользователи сети. Это может стать лучшей прививкой для информационного общества от различного рода манипуляций и лженауки (а не создание комиссий по борьбе с лженаукой при Президиуме российской академии наук). Как ни парадоксально, пандемия коронавируса ситуативно играет на руку смене развлекательной и информационной повестки – изменение уклада жизни отодвинуло на второй план новости мира «звезд» и сместило акцент на науку, исследования, статистику, в конце концов. При наличии политической воли эту ситуацию можно обратить на пользу государства и общества, уводя интерес аудитории от фактов личной/интимной жизни и идеалов общества потребления на вопросы, повышающие уровень личностного развития.

Библиографический список

1. Макаренко Е.А., Борисов А.С. Влияние нейромаркетинга на технологии продвижения новых продуктов. // Актуальные проблемы экономики и управления. 2019. № 3 (23). С. 38-40.
2. Макаренко Е. А., Песоцкий А.Б. Применение методов геймификации и телематики в страховании автотранспорта в России. // Инновационная деятельность. 2019. № 4 (51). С. 92-100.
3. Модернизация бизнеса и образования в условиях инновационного реформирования. Коллективная монография // СПб.: Из-во СПбГУСЭ 2010. – 232 с.
4. Миллер А., Липман М. Историческая политика в XXI веке // М: Новое литературное обозрение. 2012. – 648 с.
5. Хальбвакс Морис. Социальные рамки памяти // М.: Новое издательство 2007. – 348 с.
6. 75 лет Великой Победы: общая ответственность перед историей и будущим [Электронный ресурс] URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/63527> (дата обращения: 04.07.2020).